

«Палата №6»

Вся тогдашняя русская действительность казалась ему жизнью в четырех стенах, с тюремными надзирателями, с решетками – жизнь без политики, без общественности.

Так возникает знаменитая «Палата № 6», одно из самых страшных и самых гневных произведений русской и мировой литературы, направленных против деспотизма, произвола, тирании. Недаром молодой Владимир Ильич рассказывал своей сестре Анне Ильиничне: «Когда я дочитал вчера вечером этот рассказ, мне стало прямо-таки жутко, я не мог оставаться в своей комнате, я встал и вышел. У меня было такое ощущение, точно и я заперт в палате № 6».

Велико было общественное значение этого произведения в психологической мобилизации сил протеста, ненависти против самодержавия. «Палата № 6» явилась одним из заметных симптомов начинавшегося общественного подъема, одним из важных обозначений исторического рубежа между восьмидесятыми и девяностыми годами, между эпохой упадка и эпохой подъема.

Предельно просты фабула и сюжет рассказа. – В глухом провинциальном городке, заброшенном вдали от железной дороги, находится больница, которою вот уже двадцать пять лет заведует доктор Андрей Ефимыч Рагин. Больница находится в полной запущенности: грязь, заброшенность больных, воровство. Когда-то, очень давно, доктор Рагин энергично работал, пробовал добиваться улучшений, но скоро убедился в безнадежности всех попыток упорядочить дело. Столкнувшись со всеобщим равнодушием, он пришел к выводу, что существование такой больницы глубоко безнравственно, но что стену лбом не прошибешь, зло не им придумано, и у него не остается никакого выхода, кроме чисто формального выполнения своей должности. Он замкнулся в своей квартире и ушел в чтение философских и исторических книг, сопровождаемое графинчиком водки с огурцом. Мягкий, деликатный человек, не способный ни на какое проявление воли, Рагин не решается давать распоряжения даже своей кухарке.

«Он осторожно подходит к кухонной двери, кашляет и говорит:

– Дарьюшка, как бы мне пообедать...»

Исчерпывающая характеристика доктора Рагин а дана в следующих словах:

«Андрей Ефимыч чрезвычайно любит ум и честность, но чтобы устроить около себя жизнь умную и честную, у него не хватает характера и веры в свое право».

Постепенно он создает себе целую философскую концепцию. «Свободное и глубокое мышление, которое стремится к уразумению жизни, и полное презрение к глупой суете мира, – вот два блага, выше которых никогда не знал человек. И вы можете обладать ими, хотя бы вы жили за тремя решетками». Таков его символ веры. «Покой и довольство человека не вне его, а в нем самом». А поэтому незачем хлопотать, надрываться, бороться, стараться упорядочить, устроить жизнь. «Марк Аврелий сказал: «Боль есть живое представление о боли: сделай усилие волн, чтоб изменить это представление, откинь его, перестань жаловаться, и боль исчезнет».

В то время как Андрей Ефимыч предавался таким размышлениям, все дальше уходя от действительности, в больнице полновластно распоряжались грабители, а блюстителем порядка являлся больничный сторож Никита. Это грубый и тупой исполнитель, жестоко избивающий больных, запертых в психиатрической палате, палате № 6, за малейшее отклонение от тюремного режима.

Как-то случайно зайдя в палату № 6, Андрей Ефимыч обратил внимание на интеллигентного больного и, разговорившись с ним, с радостью обнаружил в нем острый, живой ум. Доктора привлек весь облик этого человека, напряженно мыслящего, тонко чувствующего,

невыносимо страдающего. Постепенно он пристрастился к беседам с больным. Это был единственный человек во всем городе, с которым Андрей Ефимыч мог беседовать на философские темы. Рагин испытывает высокое умственное наслаждение от разговоров с ним, несмотря на то, что их беседы всегда принимают характер острого спора. Больной – Иван Дмитриевич Громов – держится образа мыслей, прямо противоположного образу мыслей Андрея Ефимыча, а Громов доказывает необходимость действия, борьбы за свободу, протестует всем своим существом против угнетения, рабства, произвола, его речи представляют с бою, как говорит Чехов, «попурри из старых, но недопетых песен». Это «песни» шестидесятых – семидесятых годов, песни о свободе. Кто-то еще споет их по-новому!

Громов разоблачает бесчеловечный смысл философии Андрея Ефимыча, хотя сам Андрей Ефимыч, добрый, безупречно честный человек, конечно, далек от какой бы то ни было бесчеловечности. «Видите вы, например, как мужик бьет жену. Зачем вступаться? Пускай бьет, все равно оба помрут рано или поздно... Нас держат здесь за решеткой, гноят, истязуют, но это прекрасно и разумно, потому что между этой палатой и теплым, уютным кабинетом нет никакой разницы. Удобная философия: и делать нечего, и совесть чиста, и мудрецом себя чувствуешь... Да!.. Страдания презираете, а небось прищепим вам дверью палец, так заорете во все горло!»

Частые беседы доктора с больным, чуждость Андрея Ефимыча, происходящая от одиночества и полной изоляции от жизни, дают основание окружающим заподозрить, что доктор сам сошел с ума. Помощник Рагина, Хоботов, карьерист, претендующий на его место и считающий Андрея Ефимыча, у которого нет ни копейки, порядочным пройдохой, ловко использует положение. Андрея Ефимыча признают сумасшедшим и запирают в ту же палату № 6.

И тут терпит жестокий крах вся его философская система. Ему и в голову не приходит теперь вспомнить о том, что ведь можно быть счастливым и за тремя решетками! Напротив, вместе с поддерживающим его Иваном Дмитриевичем Громовым он устраивает настоящий бунт против насилия и произвола. Никита избивает обоих своими железными кулаками. Андрей Ефимыч падает на койку, «и вдруг в голове его, среди хаоса, ясно мелькнула страшная, невыносимая мысль, что такую же точно боль должны были испытывать годами, изо дня в день, эти люди» – и Иван Дмитриевич, и все другие заключенные в палате № 6. «Как могло случиться, что в продолжение больше чем двадцати лет он не знал и не хотел знать этого? Он не знал, не имел понятия о боли, значит, он не виноват, но совесть, такая же несговорчивая и грубая, как Никита, заставила его похолодеть от затылка до пят».

На другой день доктор Рагин умер от апоплексического удара.

Вся Россия увидела в рассказе символическое изображение тупой силы самодержавия в образе Никиты, увидела себя самой запертой в палате. Юный Ленин высказал чувство всей страны, пораженной простой и неотразимой силой чеховских образов. «Палата №6 звала к борьбе с многообразным Никитой».

И, вместе с тем, многие и многие Андрей Ефимычи слышали незаглушимый голос совести, грозный удар молота. Совесть, русская совесть в лице Чехова говорила им: это вы, милые, деликатные, гуманнейшие, образованнейшие Андрей Ефимычи, – именно вы, а не кто-нибудь другой, – гноите людей в тюрьме, в гигантской «палате № 6», и сваливаете все на «красноносых смотрителей», подобно тому, как благороднейший доктор Рагин в течение двадцати лет гноил несчастных людей в застенке, сваливая все на Никиту! Вы виноваты во всех преступлениях царского правительства тем, что не боретесь с ними, услаждая себя различными успокоительными философиями. Знаменательно, что Иван Дмитриевич Громов в своих обличениях Андрея Ефимыча употребляет слова из приводившегося нами письма Чехова к Суворину: «мы сгноили в тюрьмах», – писал Чехов; «нас держат здесь за решеткой, гноят, истязуют», – говорит Громов.

Чехов нанес удар не только по самодержавию, но и по интеллигентскому прекраснодушию, отказу от борьбы, какими бы рассуждениями это ни прикрывалось, в частности, и по толстовскому реакционному учению о «непротивлении злу насилием».

Правда, раскрытая Чеховым в «Палате № 6», была трагической для него самого. Какой же выход возможен из тюрьмы, кто же сломает, взорвет «палату № 6», кто споет «недопетые песни»? Этого Чехов не знал. Но он уже понял, что насилию нужно противопоставить не вспышки бессильной ярости, а борьбу. Мил и обаятелен Андрей Ефимыч в своей кроткой, такой тонко-интеллигентской беспомощности перед пошлостью и грубостью жизни, но какой же толк от всех его прекрасных качеств! Честен, смел, благороден, правдив Иван Дмитрич Громов, но ведь и он оказался слабым. Очутившись вместе с Громовым заключенным в палате, Андрей Ефимыч говорит Ивану Дмитричу: «Слабы мы, дорогой... Был я равнодушен, бодро и здраво рассуждал, а стоило только жизни грубо прикоснуться ко мне, как я пал духом... протрация... Слабы мы, дрянные мы... И вы тоже, дорогой мой. Вы умны, благородны, с молоком матери всосали благие порывы, но едва вступили в жизнь, как утомились и заболели... Слабы, слабы!»

Это стало одною из самых важных, коренных тем всего творчества Чехова девяностых – девятисотых годов: разоблачение слабости тогдашней интеллигенции.

Многозначителен такой штрих в «Палате № 6». Никита – это воплощение всего насилия, всей пришибеевщины тогдашней жизни – запоминается прежде всего как обладатель стопудовых кулаков: «...осанка у него внушительная и кулаки здоровенные. Принадлежит он к числу тех простодушных, положительных, исполнительных и тупых людей, которые больше всего на свете любят порядок и потому убеждены, что их надо бить. Он бьет по лицу, по груди, по спине, по чем попало, и уверен, что без этого не было бы здесь порядка». Доктор Рагин – этот беспредельно мягкий, бесхарактернейший доктор Рагин, деликатность которого доходят до того, что в тех случаях, когда его обманывают, «или льстят ему, или подносят для подписи заведомо подлый счет, то он краснеет, как рак, и чувствует себя виноватым, но счет все-таки подписывает», – этот интеллигентски беспомощный доктор Рагин наделен наружностью, неожиданно напоминающей наружность Никиты. Внешний облик Рагина находится в самом неожиданном, какое только можно себе представить, противоречии с его внутренним обликом. Это противоречие силы и слабости, грубости и мягкотелости.

«Наружность у него тяжелая, грубая, мужицкая; своим лицом, бородой, плоскими волосами и крепким, неуклюжим сложением напоминает он трактирщика на большой дороге, разъезжавшего, невоздержанного и крутого. Лицо суровое, покрыто синими жилками, глаза маленькие, нос красный. При высоком росте и широких плечах у него громадные руки и ноги; кажется, хватит кулаком – дух вон. Но поступь у него тихая и походка осторожная, вкрадчивая; при встрече в узком коридоре он всегда первый останавливается, чтобы дать дорогу, и не басом, как ждешь, а тонким, мягким тенорком говорит: «виноват!»

Неожиданный тонкий виноватый тенорок вместо, казалось бы, столь естественного баса при такой крепкой, грубой наружности, подчеркивает общее противоречие между внешним и внутренним обликом Андрея Ефимыч. Это противоречие между внешним и внутренним, между тем, чего можно и следует ожидать, и тем, что оказывается в действительности, – несомненно, носит скрыто-сатирический характер, мы видим тут чеховскую усмешку. Особенно это относится к явным чертам сходства между Андреем Ефимычем и Никитой. У Никиты суровое лицо, и у Андрея Ефимыча лицо суровое, у обоих «осанка внушительная»; попутно отметим, что носы у обоих красные... Но главное – кулаки у Андрея Ефимыча ничуть не уступают кулакам Никиты: кажется, хватит кулаком – дух вон. Но где там! Куда уж Андрею Ефимычу! Слабы мы, дрянные мы...» А ведь мог бы хватить кулаком как следует! В сущности говоря, здоровенный мужик этот доктор Рагин, и кулаки у него мощные, а болтаются понапрасну. Он должен был бы быть таким же несговорчивым и грубым, как Никита, если бы обладал настоящей совестью! Вот сатирический подтекст, скрывающийся под этим описанием, связанный с замечательными словами: совесть, такая же несговорчивая и грубая, как Никита». Вспомним слова из «Рассказа неизвестного человека»: «Чтобы чувствовать себя свободным и в то же время счастливым, мне кажется, надо не скрывать от себя, что жизнь жестока, груба и беспощадна в своем консерватизме, и надо отвечать ей тем, чего она стоит, то есть быть так же, как она, грубым и беспощадным в своих

стремлениях к свободе». Вспомним и совет Антона Павловича брату Александру – быть таким же кремнем, таким же неподатливым, несговорчивым в отстаивании своей правоты, каким был отец, Павел Егорович, в отстаивании своей косности. В незаискивающем протесте вся соль жизни»...

Конечно, критикуя Андреев Ефимычей, Чехов критиковал и самого себя, свои слабости. Но ведь этой критикой он высоко поднимался над всевозможными Андреями Ефимычами, над лицемерием и ложью примирения с действительностью, какими бы утонченными формами оно ни прикрывалось.

Но он не впледел носителей силы, выразителей настоящего протеста. Трагедия его жизни и заключалась в том, что он так и не увидел до конца своих дней, не узнал тех людей, которые тогда, когда прогремела на всю страну «Палата № 6», уже готовились насильно противопоставить грозную силу. Эти новые люди читали историю доктора Рагина и Ивана Дмитрича Громова с гневной скорбью, с любовью и уважением к поэтическому гению, к непримиримой совести правдивого русского писателя. Чехов был одним из любимейших писателей Ленина.